

Ю. К. БЕГУНОВ

Кормчая Ивана Волка Курицына

1

27 декабря 1504 года Москва увидела инквизиционные костры. В деревянной клетке были сожжены Иван Волк Курицын, Митя Коноплев, Ивашка Максимов. Великий князь Иван Васильевич с сыном Василием, с митрополитом Симоном, с епископами и со всем церковным собором приговорили их к сожжению.

Назначенная на третий день рождества расправа на реке Москве над еретиками по замыслу воинствующих церковников должна была превратиться во всенародное действо. Той же зимой в Новгороде были сожжены Иван Некрас Рукавов, архимандрит Юрьевского монастыря Касиан с братом Иваном Самочерным, Гридя Квашня, Митя Пустоселов.

Немало людей, подозреваемых в ереси, были схвачены в городах, заключены в тюрьмы, в монастыри.¹ Большую роль в жестоком преследовании еретиков сыграла группа влиятельных представителей духовенства во главе с митрополитом Симоном, игуменом богатейшего Волоколамского монастыря Иосифом, архиепископом Новгорода Геннадием, Вассианом, впоследствии ростовским архиепископом. Иван III, ранее разделявший секуляризаторские идеи московских вольнодумцев и покровительствовавший еретикам — «государеву дьяку» Федору Курицыну, своей снохе Елене Волошанке с сыном-наследником великим князем Дмитрием Ивановичем, митрополиту Зосиме (1490—1494) и посольским деятелям в 80—90-х годах XV века, — в начале 1500-х годов ограничивает их влияние, а затем переходит к преследованиям и к жестоким расправам, вплоть до сожжения наиболее активных из них. С людьми, которые совсем недавно участвовали и в проведении торжественного венчания великого князя Дмитрия Ивановича, и в подготовке Судебника 1497 года, теперь расправились как с уголовными преступниками («лихой человек» = уголовный преступник).²

Участник московского кружка еретиков посольский дьяк Иван Волк Курицын был человеком незнатного происхождения и свое положение в обществе завоевал исключительно личными способностями.³ Он участво-

¹ ПСРЛ, VI, стр. 24, 49, 244; VIII, стр. 244; IV, стр. 278. В конце XV и начале XVI века подвергалось преследованиям не менее 50 человек, новгородцев и москвичей.

² В тексте 1-й Софийской летописи еретики названы «лихими людьми» (ПСРЛ, VI, стр. 49). См. также: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, 2. М., 1951, стр. 327—328.

³ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 87.

вал в посольстве Юрия Траханиота к императору Максимилиану I в 1492—1493 годах,¹ в поездке в Новгород Ивана III в 1495 году,² в переговорах с ливонскими немцами в 1497 году³ и в посольстве к великому князю литовскому Александру в 1497 году.⁴ Иван Волк Курицын по поручению Ивана III вел переговоры с любекским книгопечатником Бартоломеем Готаном.⁵ Последний служил переводчиком русским послам и поставлял книги Ивану III, может быть, через Ивана Волка Курицына.⁶ Иосиф Волоцкий упоминает Волка Курицына в 15-м слове «Просветителя».⁷ По словам Иосифа Волоцкого, братья Федор и Иван Волк Курицыны «подоиде державного» и добились поставления своего единомышленника Кассиана архимандритом крупнейшего в Новгородской земле Юрьевского монастыря, они же научили Кассиана «отвергнуться Христа».

Известия летописей и анафематствования еретикам в синодиках не дают ясных данных, выражаясь современным юридическим языком, «о составе преступления» еретиков. Анафематствования приписывают Ивану Волку Курицыну неверие в Иисуса Христа и богоматерь, «похуление седми соборов вселенских», непоклонение иконам.⁸ «Просветитель» Иосифа Волоцкого и послания новгородского архиепископа Геннадия представляют историю новгородско-московской ереси в искаженном свете, как полное отступничество в иудейскую религию. Гарантией методологически правильного изучения вопроса являлся бы анализ в с е х имеющихся источников, как обличительных произведений, так и, особенно, произведений самих еретиков. Бесспорно принадлежат еретикам следующие произведения: «Покаянное письмо Дениса к митрополиту Зосиме»,⁹ «Еллинский летописец»¹⁰ и «Лествица»¹¹ Ивана Черного, «Лаодикийское послание»¹² Федора Курицына, Кормчая¹³ Ивана Волка Курицына.

Из дошедших до нас памятников последний, содержащий Кормчую книгу и часть юридического сборника XIII века «Мерило праведное», представляет выдающийся интерес. Однако до сих пор он не был издан

¹ ПСРЛ, IV, стр. 161; VI, стр. 39, 240; VIII, стр. 224, 227.

² П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 год). М., 1901, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 24.

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 42, 241; VIII, стр. 233.

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851, столб. 87—88, 104—106.

⁶ Об этом см.: С. В. Арсеньев. О любком типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV веке. Чтения ОИДР, 1909, кн. 4, Сместь, стр. 17—20.

⁷ Н. М. Тупиков в «Словаре древнерусских личных собственных имен» (СПб., 1903) на стр. 90—92 приводит немало имен «Волк», ординарных и двойных, встречающихся в источниках с 1483 по 1683 год. Тупиков полагал, что из двойного имени одно, например Иван, являлось христианским, а другое русским именем (Волк). Часто русское имя теряло свое значение и становилось прозвищем (стр. 81). Иосиф Волоцкий в «Просветителе» мог назвать Ивана Курицына «Волком» не случайно, как он не случайно назвал «черным, яко же именем, тако же и дела», Ивана Черного. «Волками» часто называли еретиков (статья Иоанна Златоуста в иосифлянской Кормчей в БЛ, Собр. Ундольск., № 27, л. 84: «Волк — рекше еретик»). «Злобесным волком» Иосиф называл митрополита Зосиму и, возможно, Алексея, протопopa, и других новгородских еретиков.

⁸ К. Т. Никольский. Анафематствование. СПб., 1879, стр. 189 и сл. Исследование анафем новгородско-московским еретикам по спискам синодиков будет предметом особой статьи.

⁹ БАН, 4. 3. 15, начало XVI в. Найдено Я. С. Лурье.

¹⁰ БЛ, Пискаревск. собр., № 597. Исследование этого памятника ведется А. И. Клибановым.

¹¹ ГИМ, Увар. собр., № 447.

¹² ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 21/1098, XVI век.

¹³ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, «Мерило праведное» или Кормчая Ивана Волка Курицына. (В дальнейшем: Кормчая Ивана Волка Курицына).

и изучен. Н. В. Калачов,¹ Е. Е. Голубинский,² В. П. Любимов,³ М. Н. Тихомиров,⁴ отмечая некоторые внешние особенности рукописи, не дали анализа ее содержания.

2

Рукопись Библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Мерило праведное» (или Кормчая)⁵ Ивана Волка Курицына написана тщательным полууставным почерком конца XV века, в четверку, на 336 листах с добавлением 6 листов, нумерованных в начале, и одного листа, нумерованного в конце. Таким образом, всего в рукописи насчитывается 343 листа. Водяной знак на лл. 282, 302, 309, 312, 325 — бычья голова с прямой линией между рогов, оканчивающейся крестом и увитой змеей; он встречается у Брике (№ 15386 из рукописи 1493—1499 годов и № 2582 из рукописи 1489—1519 годов) и у Н. П. Лихачева (№ 3413 из рукописи 1512 года и №№ 1271, 1273, 1274, 1275 из рукописи 1497 года).⁶

Рукопись начинается оглавлением 62 глав со слов: «Сия книги мерило праведное...». На 6 нумерованных и 43 нумерованных листах помещен текст введения «Мерила праведного» XIII века. Первые две трети введения такие же, как и в древнейшем Троицком списке «Мерила праведного» XIV века. На всех последующих листах помещено собрание церковных правил — так называемая Кормчая книга. В конце рукописи (л. 336) помещено следующее послесловие: «Христос зачало и конец всекому делу благому. А се писал аз, а велел ми ти. Пожалуй, не диви. А где буду не дописал или переписал, и ты пожалуй собою исправи». Далее тем же почерком следует тайнопись цифрами, которая расшифровывается как имя писца: «Иванъ Волкъ Курицынъ». На оборотах лл. 3 нenum. и 4 внизу полууставом XVI века киноварью приписано: «Митрополита Иасафа». На л. 2 нenum. об. — скоропись начала XVII века: «Сия книга взета у книгохранителя старца Стахея Троецькаго Сергиева монастыря на пятой неделе Филипога поста в осаде» (т. е. в 1609 году, во время осады Троицкого монастыря поляками).

3

Кормчая Ивана Волка Курицына представляет собой особый тип Кормчих книг,⁷ в основе которого лежит не хронологическое, а систематическое сведение правил. Если в Кормчих официальных редакций четырнадцать титулов Фотиева Номоканона являются только оглавлением, в котором названы лишь номера правил, то в Кормчей Курицына правила изложены в систематическом порядке полных четырнадцати титулов. После состав-

¹ Н. В. Калачов. Архив историко-юридических сведений, относящихся к России, кн. I, отд. III, О «Мериле праведном». М., 1850, стр. 36—37.

² Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 880—881.

³ В. П. Любимов. Списки Русской Правды. Троицкий вид. В кн.: Правда Русская, под ред. акад. Б. Д. Грекова, т. I, М.—Л., 1940, стр. 99—100.

⁴ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М., 1941, стр. 97—99.

⁵ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187.

⁶ Палеографическое описание рукописи см. также у В. П. Любимова (в ук. соч., стр. 99—100).

⁷ Кормчая книга, дошедшая до нас более чем в сотне списков, изучалась, начиная с А. Г. Розенкампа (Обозрение Кормчей книги в ее историческом виде. М., 1829), как памятник церковно-канонический. Роль Кормчей как памятника идеологического, не была установлена. Воссоздание историко-литературной судьбы списков Кормчей книги с точным установлением всех редакций должно стать предметом особого исследования.

ления в 883 году патриархом Фотием Номоканона неизвестный автор в X веке вписал в него полный текст правил, взятых из второй части синтагмы XIV титулов, т. е. из оглавления Фотиева Номоканона, где они были приведены лишь в виде цифр. Об этом мы узнаем из третьего предисловия, сделанного Ф. Веста (XI век). Эта редакция является очень редкой. Сохранились лишь две греческие рукописи этой редакции: Ватиканская XII века¹ и Иерусалимской патриаршей библиотеки, X в. (ГИМ, Воскресенск. собр., № 24). По мнению М. Остроумова,² эта редакция является порчей правил (многократное повторение их и рассечение отдельных правил на части). Каллист³ считает рукопись Воскресенского монастыря исправной; правила в ней не повторяются, датируется она 964 годом. Русский перевод Кормчей этой редакции появился в конце XIV века и был привезен из Афона тверским иноком Саввой, основателем Вишерского монастыря.⁴ Эта Кормчая в конце XV—начале XVI века находилась в руках архиепископа ростовского Вассиана Санина, брата Иосифа Волоцкого. «Нестыжатель» Вассиан Патрикеев пользовался ею в 1517—1519 годах для составления своей Кормчей.⁵ Известно, что Вассиан Патрикеев подвергся жестоким преследованиям со стороны митрополита Даниила за эту редакцию Кормчей. Ему в вину ставили главным образом попытку свести правила в систематической редакции. Последняя не только позволяла определенным образом подобрать материал о монастырях и монашестве, об отношении к еретикам, о поставлении епископов и пресвитеров, о пределах их власти, о системе наказаний, об обрядах и т. п., но и давала возможность, косвенно, подвергнуть сомнению авторитетность законов церкви, принятых вселенскими соборами. Когда игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонт использовал эту редакцию для составления Кормчей,⁶ явно предназначенной для поучения священников, сопроводив правила многочисленными выписками и толкованиями по образцу Сводной Кормчей, то митрополит Макарий строго порицал, что он изложил «святые правила не подлинно», т. е. не в хронологической последовательности соборов. Такое изложение, по замечанию Макария, «выдуманно еретиками» с целью «растерять» неблагоприятные для их мнения правила.⁷

Канонической и непреложной основой состава официальных Кормчих являлось изложение правил и статей в хронологической последовательности вселенских соборов. Кормчая митрополита Даниила 1522 года, опирающаяся на предание и патристическую литературу, являлась как бы ответом на «дерзкое развращение» священных правил Вассианом Патрикеевым. После оглавления 14-титульного Номоканона Фотия с двумя предисловиями⁸ обычно следуют канонические основы Кормчей: I. Апостольские правила;⁹ II. Каноны семи вселенских соборов и девяти помест-

¹ Издана Анджело Май в VII томе «Spicilegium Romanum» (Romae, 1848, pars II) и перепечатана у Миня (J. P. Migne. Patrologiae cursus completus, series graeca, CIV, col. 441).

² М. Остроумов. Введение в церковное право, I. Харьков, 1893, стр. 553—554.

³ Каллист, иеромонах. Номоканон патриарха Фотия. М., 1899, стр. 110—111 и 125.

⁴ ГПБ, Ф. II. 74, Кормчая Вассиана Патрикеева, л. 447. (В дальнейшем: Кормчая Вассиана Патрикеева).

⁵ Кормчая Вассиана Патрикеева, л. 447.

⁶ БА, Собр. Ундольск., № 28.

⁷ А. С. Павлов. Курс церковного права. М., 1902, стр. 119—120.

⁸ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28, Кормчая митрополита Даниила, лл. 23—58.

⁹ Там же, лл. 59—95. Эти правила имеются также и в древнейшей Рязанской Кормчей 1284 года (ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311).

ных соборов;¹ III. Правила и статьи Василия Великого;² IV. Отеческие статьи;³ V. «Мерило праведное» второй редакции.⁴ Кормчая книга официальной редакции обычно оканчивалась «Словом 165-ти отец на обидища святых церкви».⁵ На л. 618 Кормчей книги митрополита Даниила читается следующая приписка: «Доселе суздальских правил, а се собрания и припись того ж Данила игумена, потом же бывше митрополита, лета 7030, месяца февраля». В дополнительной части (лл. 618—711) имеются статьи из других Кормчих.⁶ Кормчая митрополита Даниила непосредственно привлекалась как для составления Сводной Макарьевской Кормчей, так и для составления Кормчих печатных редакций 1650 и 1653 годов.⁷ Сводная Кормчая митрополита Макария середины XVI века является наиболее ярким выражением иосифлянских взглядов.⁸

Состав Сводной Кормчей следующий: лл. 1—67 — оглавление Фотиева Номоканона (Синтагма XIV титулов); лл. 68—168 — изложение апостольских правил с толкованиями Алексея и Аристина и с большим количеством дополнительных толкований, соборных правил и статей отцов церкви; лл. 169—186 — «Апостол Петра и Павла»; лл. 187—576 — «Сказания и правила» вселенских соборов в хронологическом порядке; лл. 576—594 — Древний указатель к Кормчей (XVI—XVII века).

Кормчая Ивана Волка Курицына является старшим из известных нам русских списков особой редакции. В 1510 и 1512 годах Кормчая книга Курицына без «Мерила праведного» и без отеческих статей (т. е. одни лишь правила соборов и апостолов в систематическом изложении) переписывались Васюком Кылдашевым⁹ в монастыре Николы-на-Ламе. Состав Кормчей Курицына следующий: лл. 1 и 2 нenum. — оглавление 62 глав; лл. 3 и 4 нenum. и лл. 1—43 — «Мерило праведное» первой редакции (точнее, одна треть его введения); лл. 43—58 — сказания о соборах; лл. 58—182 — Фотиев Номоканон в систематическом изложении; лл. 182—204 — «Апостол Петра и Павла» и некоторые правила соборов; лл. 204—212 — «По вопросам и ответам беседа святого Диодоха»; лл. 204—286 — статьи отцов церкви о ересьях; лл. 286—308 — законодательные статьи: Правда Русская, «Уставы» Владимира и Ярослава, Десятословие Моисея и извлечения из Ветхого Завета; лл. 308—336 — мелкие статьи и «Устав, бываемый на поставление епископом».

Несомненно, что Иван Волк Курицын использовал или греческий подлинник, или список, привезенный Саввой, или русскую копию с него, затем сборник «Мерило праведное» первой редакции и Кормчую русскую (софийской) редакции. Кормчая Вассиана Патрикеева относится к той же редакции, что и Кормчая Ивана Волка Курицына. Нам известны четыре

¹ Там же, лл. 95—274. С небольшими пропусками эти же каноны встречаются в древнейших Кормчих, как, например, Рязанской, Новгородской, Синодальной, Ефремовской.

² Там же, лл. 274—307.

³ Там же, лл. 307—331.

⁴ Там же, лл. 331—399, 418—527 (см.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 109—112).

⁵ Точно такой же состав имеет Чудовская Кормчая 1499 года (ГИМ, Чудовск. собр., № 167).

⁶ См.: В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 744—746.

⁷ Об этом говорят пометки на листах рукописи (л. 418 и сл.). Кормчая митрополита Даниила имеет сходство по составу с печатной Кормчей (см.: В. Жмакин, ук. соч., стр. 748).

⁸ БЛ, Собр. Ундольск., № 27 (см.: Н. Попов. Афанасиевский извод повести о Варламе и Иосафе. Изв. ОРЯС, т. 31, стр. 222—223).

⁹ ГИМ, Увар. собр., № 557, 1510 г., и БАН, № 5, 1512 г.

Кормчих, составленные Вассианом Патрикеевым¹ и один список XVI века той же редакции.² Последний список отличается от вассиановских кормчих наличием «градских» законов, отсутствием «нестяжательских» статей, киноварных пометок «о невладении селами», «Собрания некоего старца», статей Максима Грека и второй книги Фотия Грека.

Состав Кормчей Вассиана Патрикеева по списку Государственной Публичной библиотеки следующий: лл. 1—349 — оглавление Фотиева Номоканона (Синтагма XIV титулов) и полное изложение правил в систематическом порядке по XIV граням; лл. 349—376 — статьи Василия Великого и других отцов церкви; лл. 376—382 — «Собрание некоего старца»; лл. 382—447 — «Книга» Фотия митрополита, имеющая «нестяжательскую» направленность (посвящена вопросам организации монашеской жизни).

Вассиан Патрикеев предпринял большую работу. Им были использованы Кормчая Саввы Вишерского, Симоновские правила, список суздальского епископа Евфимия, вывезенный из Брянска, книга правил Фотия, привезенная из Афона, Софийский Харатейный список (ныне ГИМ, Синод. собр., № 132), Греческие богородицкие правила, Пандекты Никона Черногорца, статьи Максима Грека, житие Саввы Сербского и сочиненные Вассианом статьи о невладении селами монастырскими («Собрание некоего старца») и, возможно, некоторые другие источники. Таким образом, Вассиан Патрикеев использовал основные редакции Кормчих, имевшиеся на Руси. Нам кажется, что Иван Волк Курицын и Вассиан Патрикеев, изложив правила в систематическом порядке, тем самым уже выразили недоверие к преданию, основывавшемуся на деятельности вселенских соборов и сочинениях отцов церкви.³ Текстологическое сравнение Кормчих Курицына и Патрикеева убеждает нас в том, что между «нестяжателями» и московскими еретиками было гораздо больше точек соприкосновения, чем об этом принято думать. Во-первых, возможно, «нестяжатели» и московские еретики относились критически к преданию, хотя и с разных точек зрения. Главы Кормчей Курицына с правилами более краткой редакции соответствуют более полным граням Кормчей Вассиана Патрикеева (лл. 43—182 Кормчей Курицына примерно соответствуют лл. 1—349 Кормчей Патрикеева). Вассиан Патрикеев на суде заявил, что признает авторитет вселенских соборов. Однако в сочинениях, направленных против иосифлян, в частности в «Собрании некоего старца», Вассиан подкрепляет свою точку зрения цитатами из Евангелия, Апостола, Правил Василия Великого, примерами из житий, а не соборными правилами. Вероятно, этим ограничивалась критика Вассианом церковного предания; в обрядовых и догматических вопросах он оставался ортодоксальным. Во-вторых, общим для кормчих Вассиана Патрикеева и Ивана Волка Курицына является отсутствие «градских» законов. Содержащиеся в них идеи безусловной поддержки государством церкви на основе жестокого преследования еретиков были неприемлемы как для «нестяжателей», так и для еретиков. Полное невмешательство иноков, этих «непогребенных мертвецов», в государственные дела, равно как и невмешательство светского государя в дела церкви, — такова программа Патрикеева. Иван Волк Курицын мог отвер-

¹ Кормчие Вассиана Патрикеева: 1) ГПБ, Ф.11.74; 2) ЦГАДА, ф. 181, № 1597 (бывш. Моск. древлехранилище, № 145); 3) БЛ, Музейн. собр., № 474 (=Пискаревск., № 39); 4) Кормчая 1517 г. Спасо-Евфимиева монастыря (как нам сообщила Н. А. Казакова, — в собрании Краеведческого музея г. Владимира).

² БЛ, Рум. собр., № 236, Кормчая XVI в.

³ Наше предположение подтверждается текстами анафем «жидовствующим»: только московской группе еретиков, а не новгородской, инкриминируется «похуление седми соборов святых отец» (ГИМ, Синод. собр., № 667, Синодик XVII в., л. 30 об.).

гать «градские» законы как сторонник секуляризации государства. В-третьих, в обоих Кормчих отсутствует «Слово 165 отец о обидящих святые церкви», которым кончались все Кормчие официальной редакции конца XV—XVI века.¹ Архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий использовали это «Слово» для защиты монастырского землевладения на соборе 1503 года и для утверждения теории компромисса «воинствующей церкви» и государства. В-четвертых, в обоих Кормчих отсутствует большинство русских статей, на которые опирались иосифляне. В Кормчей Вассиана из 33 русских статей, перечисленных Н. В. Калачовым,² имеются только три статьи: «Кирилла, епископа Туровского, о черноризьческом чину», правило архиепископа Новгорода Ильи, правила Иоанна, митрополита русского. В Кормчей Курицына также имеются только три статьи: Правда Русская и «Уставы» Владимира и Ярослава. В-пятых, из отцов церкви особое внимание Вассиана и Курицына привлекал Василий Великий.

Имеются также и некоторые отличия. Во-первых, в Кормчей Вассиана Патрикеева ярко выражена «нестяжательская» направленность. Книга испещрена статьями, заметками на полях и искусно подобранными правилами о том, что монастыри не могут владеть селами. В Кормчей Курицына «нестяжательская» направленность отсутствует. Во-вторых, Вассиан Патрикеев использовал больший материал, чем Иван Волк Курицын. В книге Вассиана правила приведены в более полном переводе, со многими толкованиями, сведение правил сделано тщательно по граням и главам Номоканона XIV титулов с неизменным указанием номеров соборных правил. В-третьих, в Кормчей Вассиана отсутствуют какие бы то ни было светские законы. В Кормчей Курицына «Мерило праведное», отрывки из ветхозаветных текстов, «Уставы» Владимира и Ярослава, Правда Русская как бы открывают собой тему «праведного суда». Вассиан Патрикеев останавливается исключительно на внутрицерковных вопросах. Вторая половина его Кормчей посвящена вопросам организации монашества. В-четвертых, Вассиан Патрикеев шире использует отеческую литературу, в основном о жизни иноков. Иван Волк Курицын пользуется отеческой литературой только для «истории ересей». Общим для обоих является использование статей Василия Великого о наказаниях за грехи, «Блаженного Нила Черноризца (Синаита) послания к Харихлиу презвитору, сурово нападающему на согрешающую»,³ «Великого Афанасия ко Аммонию Мниху о соблазняющихся в нощи». В-пятых, Вассиан Патрикеев заканчивает свою Кормчую толкованием обрядовых вопросов, тогда как Иван Волк Курицын завершает свою Кормчую светскими законодательными статьями и «Уставом, бываемым на постановление епископом». Заканчивает свою Кормчую Вассиан следующей припиской: «Есть в святых правилах супротивно святому Евангелию и Апостолу и всех святых отец жителству. Но не смех на своей души сего положить, и о сем возвестих господину отцу своему митрополиту Варлааму и всему священному собору. И они ми не велели ничего выставивати, глаголя: кто целомудр разум имеет, той лучшего держится, еже есть по бозе, також де и мы хотим и благословляем».⁴ Это говорит о том, что Вассиан Патрикеев, ученик Нила Сорского, не разделял взглядов на «безмолвие ума» афонских «исихастов».

¹ К одной из Кормчих Вассиана Патрикеева было добавлено написанное крупным уставным почерком XVI века, отличающимся от почерка всей книги, «Слово 165 отец» — БЛ, Музейн. собр., № 474 (= Пискаревск., № 39), лл. 434—435.

² Н. В. К а л а ч о в. О значении Кормчей книги. М., 1850, стр. 22—25.

³ А. С. Архангельский считает эту статью типичной для мировоззрения «нестяжателей» — любовь и всепрощение (см.: А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882, стр. 158—159).

⁴ ГПБ, Ф. II. 74, л. 447.

В вопросе о постижении писания и предания Вассиан Патрикеев обращался больше к голосу разума, чем к слепой вере. Вассиан Патрикеев и Иван Волк Курицын проявили очевидное несогласие с официальной точкой зрения на роль и организацию церкви.

4

Остановимся на некоторых вопросах содержания Кормчей книги Ивана Волка Курицына. Текст соборных правил и патристических статей Кормчей в силу сложившейся традиции не мог быть существенно изменен переписчиком. Из всех соборных правил только 82-е правило VI вселенского собора приведено Курицыным в измененной редакции. Оно читается следующим образом: «Не напишеша агница во образ Христа, ни того самого. Толкование: Агнец предан бысть в образ истиннаго Христа бога нашего и не подобает образа почитати, паче истинны, и агнца на честных иконах написати перстом Предтечевым показаема, ни самого Христа, бога нашего, и шаровными писании по человеческому образу написовати».¹ В Кормчей Вассиана Патрикеева и в иосифлянской Сводной митрополичьей Кормчей конец этого правила читается в полной редакции, без искажения, что придает правилу характер утверждения поклонения иконам: «... не подобает образа, паче истины, и агнца на честных иконах написати перстом Предтечевом показаема, но самого Христа бога нашего и шаровными писании по человеческому образу написовати».² Текст правила, приведенный Иваном Волком Курицыным без указания собора, сокращен, и ему придан отрицательный смысл путем замены «но» на «ни». В Кормчих, переписанных Васюком Кыдашевым, в этой же редакции правила стоит «но».³ В Кормчей Курицына в тексте Десятословия приведена глава 2, которая использовалась еретиками, по свидетельству Иосифа Волоцкого, для отрицания поклонения иконам: «Ни створиша себе идола, ни всякого подобья, елико суть на небеси горе и елико суть на земли доле, и елико в водах, под землею, не поклонившихся им, ниже послужи им».⁴ Иосиф Волоцкий в 6-м слове «Просветителя» борется с еретическими мнениями, отрицавшими поклонение иконам и всю церковную обрядность вплоть до отрицания поклонения церкви.⁵ В Кормчей Иван Волк Курицын называет всю церковную обрядность (причащение, крещение, поклонение кресту и иконам, пост, пасху и т. д.) словами правила Василия Великого «человеческим преданием». В середине XVI века Зиновий Отенский утверждал, что Феодосий Косой и другие еретики будто бы потому придерживались статей Василия Великого, что последний называл церковные обряды уделом «человеческого предания», т. е. считал их малодостоверными. Далее следует ряд правил о свободе воли в принятии или непринятии как отдельных обрядов, так и всех христианской религии. Если согласиться с тем, что Иван Волк Курицын, как и новгородские еретики, отрицал почитание икон, то тогда можно предполагать, что он придерживался мнения о необходимости реформировать культ.

¹ Кормчая Ивана Волка Курицына, лл. 190—190 об.

² Кормчая Вассиана Патрикеева, лл. 51—51 об.; Сводная Кормчая, л. 570.

³ БАН, № 5, л. 189 об.; ГИМ, Увар. собр., № 557, л. 169.

⁴ Кормчая Ивана Волка Курицына, л. 286.

⁵ «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 133. В Новгородском Синодике 1632 года московские еретики обвиняются в непоклонении иконам: «А законопреступником и злочестивым и гонителем и еретиком Арию, глаголю, и Македонию, и Несторию, и новые еретики Волка Курицына со единомысленники, и всем еретиком тако мудрствовавшим, и иже, аще не поклоняются образу господа бога и спаса нашего Иисуса Христа на иконе написанному и пречистой его богоматери и всем святым сим, глаголем, да будут прокляты» (ГПБ, Соф. собр., № 1059, лл. 84—84 об.).

Одну четвертую часть «Мерила праведного» Ивана Волка Курицына занимают статьи об ересях и еретиках (лл. 212—286 из 343 листов всей рукописи). Среди них главное место занимает Панарий Елифания Кипрского (IV век). Все эти статьи с незначительными сокращениями и изменениями встречаются во многих других Кормчих: в харатейном Рязанском списке Кормчей 1284 года,¹ в Соловецком списке 1493 года, переписанном монахом геннадиевского кружка Досифеем,² в погодинской Кормчей XIV—XVI веков,³ в Чудовской Кормчей 1499 года,⁴ в Кормчей митрополита Даниила 1522 года.⁵ Но они не были включены в печатные Кормчие 1650 и 1653 годов и в те официальные рукописные редакции, которые вышли из рук «осифлян» в XVI веке — Нифонта Кормилицына, Даниила, Макария. Отсутствуют они и в Кормчей Патрикеева. Среди правил, направленных против еретиков, представляет интерес апостольское правило, приведенное Курицыным следующим образом: «моляйся с жиды, да отлучится»,⁶ и толкование на него, в котором дается 45-е правило апостольской заповеди, запрещающее вхождение христианина в иудейский храм. В Кормчей Патрикеева и в иосифлянской Кормчей такого правила нет, хотя встречаются аналогичные.⁷ Можно предполагать, что Иван Волк Курицын отрещивался от каких-либо связей с теми, кого в то время обвиняли в иудейской ереси.

Выше было отмечено, что Вассиан Патрикеев, как и Иван Волк Курицын, широко использовал правила Василия Великого о согрешающих и об епитимиях, отличавшиеся крайней снисходительностью по отношению к еретикам.

Архиепископ Геннадий писал в 1489 году, что новгородские попы-еретики «да что он согрешит или блуд, или прелюбодейство, или ин грех сотворил, то удоб прощают, церковным каноном не последующе».⁸ Такое же отношение к ересям, как к человеческим заблуждениям, которые надо лечить, сказывается в двенадцатой грани Кормчей Ивана Волка Курицына и в Кормчей Вассиана Патрикеева. В главе третьей первой грани Вассиан повторяет, что еретиков следует сразу же принимать в лоно церкви, как только они покаются и проклянут свои ереси.⁹ В противоположность представителям воинствующей церкви, считавших необходимым жестокую расправу над инакомыслящими, Вассиан Патрикеев использует статью о Григории Акрагантском, который «своею премудростью и письменным явлением посрами еретики».¹⁰

Иосиф Волоцкий в 7-м «слове» «Просветителя» утверждал, что «от еретика надо бегать как от змея и отвращаться от него». Безусловное и жестокое преследования еретиков является с его точки зрения условием тесного сотрудничества самодержавного государя и воинствующей церкви.

В Сводной Иосифлянской Кормчей нет выделения особой серии богословских статей об ересях. Для составителей Сводной Кормчей Иосифа Волоцкого, Нифонта Кормилицына, митрополита Даниила и митрополита Макария самым важным было показать то, как церковь боролась

¹ ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311, лл. 358—398.

² ГПБ, Соловецк. собр., № 858.

³ ГПБ, Погод. собр., № 285, лл. 75—98.

⁴ ГИМ, Чудовск. собр., № 167.

⁵ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28.

⁶ Кормчая Ивана Волка Курицына, л. 153.

⁷ Сводная Кормчая, лл. 71, 134 об., 145, 151.

⁸ Послание архиепископа новгородского Геннадия к Иосифу, епископу ростовскому. Чтения ОИДР, № 8, 1847.

⁹ Кормчая Вассиана Патрикеева, лл. 52 об.—53.

¹⁰ Там же, л. 373.

с еретиками и укрепляла свое могущество. Обличительные статьи против еретиков вместе с многочисленными толкованиями следуют за соответствующими соборными правилами. Некоторые статьи об еретиках, встречающиеся в Кормчей Курицына, за исключением главной статьи Епифания Кипрского, подробно излагавшей все еретические учения, в Иосифлянской Кормчей имеются.¹

Обращает на себя внимание самый подбор правил и статей, которые должны были убедить в необходимости жестокой расправы с инакомыслящими. В пространном толковании на 27-е правило полного 85-правильного Апостола, занимающее по объему 39 листов,² оправдывается деспотичное отношение церкви к еретикам.

Требования казни еретиков и запрещения свободомыслия были идеологической основой теории компромисса «священства» и «царства» Иосифа Волоцкого. К одному из правил иосифлянской Кормчей об учительстве приводится ограничительное толкование, совершенно изменяющее смысл правила. В Кормчей же Курицына это правило приведено без всяких толкований: «Учитель, аще мирский человек будет искусен слову учения и нравом чист, таковыи да учит. Будут бо, рече, вси учени богу».³ Тема необходимости «учительства» проходит красной нитью через Кормчие Васиана Патрикеева и Ивана Волка Курицына. В 8-й и 9-й главах Кормчей Васиана Патрикеева и в 16—21-м главах «Мерила праведного» Ивана Волка Курицына (лл. 100—131) в огромном большинстве правил говорится о высокой обязанности епископов как учителей церкви. Многие из этих правил могли быть использованы против злоупотреблений церковной иерархии.⁴ Интересна глава 21 «О епископах и причетниках, иже играют и глумятся, и ловы деют или на позорище ходят, лихо и мзду священник да примет» (лл. 123—131). Против вымогательств церкви могло быть использовано правило Кормчей Курицына (л. 203), не встречающееся в Кормчей Патрикеева: «Яко не подобает епископом или причетником принуждати неких плоды приносить церкви, сиречь, приносить просфоры, или некая приношения, или ину некую работу творити и таковых ради отлучити от церкви или проклинати или не даяти причащения, или не крещати дети, аки и обычаи держашеся. Таковыи преступая же сию заповедь да отпадет от церковей правления ея». В «иосифлянской» Кормчей в вопросе о злоупотреблениях епископов подчеркивается иное: неограниченность их самоуправства и продаваемость церковных должностей (мздоимство) со ссылкой на законодательство Юстиниана.⁵ Стригольники конца XIV века и новгородские еретики (Захар) отрицали церковную иерархию на том основании, что все священники поставлены по мзде. Московские еретики если не отрицали иерархию, то все-таки несомненно выступали против злоупотреблений.

В «Просветителе» Иосиф Волоцкий вынужден был признать, что еретики если не всех «научили жидовствовати», то многих научили критике писания и предания. В XVI веке в среде «мнящихся были учителя» возникло мнение, что чтение книг ведет только к помрачению ума: «грех простым чести Апостол и Евангелие, не чти много книг, да не во ересь впадеши».⁶ Распространенным было мнение, что ересь возникает от непони-

¹ Например, «От главизн вкратце Тимофея презвитера» и «Иносказание об образе греховнем» — лл. 216—220.

² Лл. 81—100 (весь Апостол — на лл. 67—168). Эти толкования принадлежат митрополиту Даниилу (см.: В. Жакин, ук. соч., стр. 748).

³ БЛ, Рук. МДА, фонд. № 184, л. 184 об.

⁴ На эти правила обратил внимание еще М. Н. Тихомиров (ук. соч., стр. 98).

⁵ БЛ, Собр. Ундольск., № 27, л. 361 об. — 362.

⁶ РИБ, IV, столб., 1384. См. также: А. С. Архангельский, ук. соч., стр. 201.

мания божественного писания.¹ Нестяжатель Артемий, игумен Троицкий, полагал, что «несть бо уже се еретичество, аще кто от неведения и чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навикнути, паче же о догматах и обычаех неких».² Артемий призывает лечить заблуждения и «ребячество» еретика Башкина. «Нестяжатели» требовали учить мирян словом, т. е. обращаясь к Евангелию и Апостолу, а не писать иноческих преданий (уставов). С этим мнением боролся Иосиф Волоцкий в «Отвещании любозаборным» и в «Сказании вкратце о святых отцах, бывших в монастырех, иже в Русей земли сущих».

После седьмого титула Номоканона «О посте и четьредесятнице» в Кормчей Ивана Волка Курицына читается ряд правил, которые отсутствуют в Кормчей Вассиана Патрикеева. Одно из правил (л. 97), 108-е правило Карфагенского собора, гласит: «Свободном изволением кождо воздержание да примет. Толкование. Своєю волею кийждо человек благое да делает, а не понужи. Сего ради никто же не приводится понужди ко воздержанию и к христианству, но своим изволением и свободною волею и хотением». Вряд ли церковь нуждалась в XVI веке в завлечении обратившихся в православие уговорами о свободе выбора. Церковь чаще прибегала к методам принуждения, чем к проповедям. К проповедям обращались еретики. Христианская ортодоксальная литература рассматривает свободу воли (самовластие) как одно из главных качеств человека, данных ему в самый день первоудания. Самовластие заключается в «вольном произволении хотения к добродетели и к злобе». В Изборнике 1073 года утверждается, что «по образу божию сотворьшу уму его, создан бы человек, рекше самовластен, уньшее ли или горьшее изволение самохотию избирая». Именно самовластие человека в толковании отцов церкви, начиная от Блаженного Августина (IV век), было источником его греховности. Церковь использует теорию самовластия для утверждения зависимости воли человека от божественного промысла. Это означало необходимость довериться во всем посредничеству церкви. Если русские вольнодумцы в конце XV—начале XVI веков выступали с утверждением учения о самовластии человека, это еще не значит, что они вносили новые, еретические мнения в общество. В формуле Федора Курицына «душа самовластна, заграда (т. е. ограда, — Ю. Б.) ей вера»³ нет ничего еретического. Для московских еретиков характерно обращение к учению о самовластии человека в связи с необходимостью разумного постижения, например, грамоты,⁴ «правденного суда»,⁵ истории человечества,⁶ т. е. действительности вообще. Подобный взгляд характерен для гуманистов, обращающихся к человеческому разуму в противоположность мертвой схоластической церковной догме. Как полагает А. И. Клибанов, «еретическое учение о самовластии человека означало, во-первых, господствующее положение человека в природе, во-вторых, неограниченные возможности познавательных сил ума человека, в-третьих, нравственное самоусовершенствование душевных качеств человека, в-четвертых, свободу для человека поступать хорошо или дурно»⁷.

¹ РИБ, IV, стлб. 1384.

² РИБ, IV, стлб. 1437.

³ ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4.

⁴ «Лаодикийское послание» Федора Курицына и «Написание языком словенским о грамоте» (БЛ, Рук. МДА, № 103, XVI в.).

⁵ «Мерило правденное» и «Повесть о Дракуле».

⁶ «Еллинский летописец» Ивана Черного (БЛ, Музейн. собр., № 597).

⁷ А. И. Клибанов. Учение о самовластии. (Из истории еретических движений конца XV—начала XVI вв.). (Рукопись Института истории АН СССР).

В «Написании о грамоте», которое принадлежит к литературе еретиков,¹ на вопрос «коєа ради вины грамота состроена» дается ответ: «Сеа ради вины грамота состроена, яко же бог создал и благославил человека животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна и потом дал ему самовластие ума, смерть и живот перед очима его предложил, рекше вольное произволение хотения к добродетели или к злобе, путь откровения изяществу и невеждеству и по безгрешию».² Далее рассказывается о том, что после умножения злобы в роде человеческом бог на спасение людей привел разум к «состроению грамоты». Иван Волк Курицын, используя богословские тексты, обращается к учению о самовластии. Между седьмой и восьмой главами Номоканона приведены правила Карфагенского собора (№№ 109—116), как бы объединенные в один целостный рассказ о пелагианском учении. Отсутствие ссылок на конкретные правила и соборы может говорить о том, что Курицын не придавал этим правилам значения юридических законов. Правила, помещенные между седьмой и восьмой главами, мы условно называем «трактатом о греховности человека». Приводим из него следующий отрывок: «Иже первозданного человека глаголет и без строения греховного умрети хотяща нуждею естествоною...

«Адама убо ни смертна створи бог, ни бесмертна же, посреде величества и смирения и самовластна того сотворив, остави, яко же камо восхождеть обратитися, аще на добродетель — наследить бесмертие, аще ли на злобу — смерть да примет. Аще бо и плоть имяше тогда человек, но не такое же, яко же ныне. И се рече Григорие Богослов: «еще в кожныя ризы обещися ему единаче в доблеишую плоть и мертвену и не таковужде, яко же прежде престепления, ни дебела беаше плоть адамова, ни естество смертна беаху же». Неции глаголюще, яко мертвен и сперва создан бысть Адам и умрети хотяще, аще не бы заповедь приступил. Сего ради убо, иже глаголет, яко Адам смертен и сперва от бога создан бысть и нуждею естества, аще согреси или несогреси, умрети хотяше. И глаголет, яко младенци не во оставление грехов крещаютъ, яко ничто же от адамова прародительнаго греха имуще. И о сем ясно апостолу вопиющу, яко единого ради человека грех во весь мир вниде и греха ради смерть. Или паки мудрствует некто, яко крещение убо первым грехом дает отпущение, помощи же не дает к тому не согрешати. Но токмо от нашего потщания се исправляется. Аще ли убо кто и се приемлет и благодать божию славит укрепляюще нас на творение заповедей, учит же, яко и кроме благодати божия исправити заповеди его может, обаче со трудом, да будет проклят. Не рече бо господь, яко без мене со трудом можете створити сие, но рече, яко без мене не можете творити ничто же».³

Можно предполагать, что Иван Волк Курицын, вслед за пелагианами, мог сомневаться в исконной греховности человеческого рода и мог считать факт первого грехопадения, из-за которого страдает человеческий род, величайшей нелепостью. Самовластие человека является причиной добрых и злых (греховных) дел в мире. Человеку вовсе не обязательно грешить. Разум его отличит хорошее от дурного, вера оградит душу от плохого, а добрая воля поможет совершить хорошие дела. Посредническая роль церкви в этом случае становится ненужной.

¹ Исследовано как памятник идеологический А. И. Клибановым. Издано Ягичем и Шахматовым в «Исследованиях по русскому языку» (т. 1, СПб., 1885, стр. 648—673).

² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Сб. «Исследования по русскому языку», т. 1, СПб., 1885—1895, стр. 651.

³ Кормчая Ивана Волка Курицына, лл. 97 об.—99.

«Трактат о греховности человека» заканчивается интересным правилом: «Птица небесная и рыбы морская, — купно нерече божественное писание, — яко от моря есть бытие обоего сего, приводить же и преходящая пути морская, киты великия, глаголет, яко чрепину имущая кожу, от них же ни единая рыбы несть».¹ Смысл этого правила был бы совершенно не ясен, если не обратиться к «Истины показанию» Зиновия Отенского. Оказывается, это правило использовалось Феодосием Косым. В 60-х годах XVI века Зиновий Отенский опровергал мнение крылошан, полагавших, что человек, «рыбы великия в мори и гады, и киты, такоже и птица небесная, и звери, и львы, и слоны великия на земли» являются равнозначными творениями бога, которые рождаются и умирают естественным путем. Зиновий борется с утверждением еретиков о том, что для «исправления» и «поновления» «человеческого устройства» царь принесет большую пользу, чем воплотившейся в человека бог.² Учение о самовластии человека, развитое в «Лаодикийском послании», «Написании о грамоте» и в Кормчей Курицына, не без оснований можно считать гуманистическим. Это учение было направлено против существующей церкви, так как ставило под сомнение необходимость церкви в деле спасения душ. Архиепископу Геннадию и Иосифу Волоцкому приходилось не раз убеждать, что и поныне все спасаются от бога через посредство церкви. Внимание Ивана Волка Курицына к вопросам «праведного суда» позволяет предположить, что московские вольнодумцы видели в практической государственной деятельности, направленной к укреплению дворянского государства, «спасение» для людей. Их широкому обращению к разуму не противоречили взгляды на веру как на ограждение души. Официальная церковь боролась с широким пониманием свободной воли человека. Одна из статей Рязанской Кормчей 1284 года учит, «яко не подобает епископом, ни прозвитером пускати на волю дети свои, ни дать им самовласть».³ Автор «Беседы Валаамских чудотворцев» отрицает какую бы то ни было свободу воли. Он утверждает, что если бы человек был самовластен, то тогда не нужны были бы цари и князья. Вероятно, крайние еретические группы (вряд ли это были московские еретики) отрицали пользу властей вообще.

5

Первая часть Кормчей книги Курицына, «Мерило праведное»,⁴ тождественна с началом древнейшего списка «Мерила праведного».⁵ В середине статьи «Об исправлении суда» текст прерывается словами, смысл которых в том, что, когда судишь, необходимо иметь «страх божий и целомудрие».⁶

Древнейший юридической сборник «Мерило праведное», созданный в конце XIII века, состоит из двух частей: введения и главной части.

¹ Там же, л. 100.

² Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 263—265.

³ ГПБ, Собр. Толстого, I, № 311, л. 24, правило 35 Карфагенского собора.

⁴ БЛ, рук. МДА, фонд., № 187, лл. 1—43, «Сия книги мерило праведное».

⁵ Мы пользовались для сличения списком ГПБ, Кирилло-Белозерск. собр., № 145/1222, лл. 148—171, который является точной копией самого древнего из дошедших до нас списков «Мерила» — БЛ, Троицк. собр., № 15.

⁶ М. Н. Тихомиров предполагал, что статьей «Об исправлении суда» кончалось «Мерило праведное» первой редакции, к которой близко стоит единственный список Ивана Курицына (см.: М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 94). Нам кажется, что «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына в точности повторяет текст древнейшего «Мерила» и прекращение переписки древнейшего текста имело для Ивана Курицына определенный смысл, а именно: заострить во введении в Кормчей вопрос о «праведном суде».

В отсутствующей в книге Курицына части введения развиваются те же мысли о необходимости справедливого суда, о необходимости разумного отношения к вопросам государственного и церковного управления.¹ Это сокращение могло быть сделано в целях придания большей композиционной стройности вводной части. Содержание главной части, не вошедшей в «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына, составляют светские узаконения греческих императоров, небольшое число статей по вопросам церковного судопроизводства.

В книге Курицына отсутствуют следующие главы из основной части: «гл. 16. Царя Константина закон судный людем; гл. 17. От различных рекше граний Иустиниана царя новых заповидий; гл. 18. От книг божественных повелений божественной кончины царя Иустиньяна; гл. 19. Леон и Константин. верная царя; гл. 20. Новая заповедь благочестваго царя Алексия Комнина; гл. 21. Новая заповедь, бывшие от христоролюбиваго царя Алексея Комнина; гл. 22. Воспоминание хранителя великого стража Иоанна Фракисия; гл. 23. Иустиниана царя 6 собора о взаконении монастырем; гл. 24. Изложение церковного соединения при Константине и Романе; гл. 25. Сде известно разделение возбраненных браков; гл. 26. Закона градскаго главы различны. Грани сорок числом».² Следующие главы из главной части сборника включены в Кормчую книгу Курицына: «гл. 1. Разум о винах или образ винам;³ гл. 2—14. Извлечени из соборных правил и сочинений отцов церкви;⁴ гл. 15. Закон Моисея;⁵ гл. 27. Устав Владимера о церковных людех и судех и о десятинах и о мерах городских;⁶ гл. 28. Суд Ярославль Владимерича;⁷ гл. 29. Устав Володимера Всеволодовича».⁸

Ряд мелких статей в конце рукописи: Афанасия Мниха «О наузе и стреле громней», некоторые соборные правила, статьи «о власех» и другие, включены в Кормчую Курицына.⁹

Как видимо, Курицын не включил в свою книгу законы византийских императоров,¹⁰ вероятно потому, что они были неприемлемы для Ивана Волка Курицына, так как в них была ярко выражена идея компромисса воинствующей церкви с царем.

На основании «градского» закона¹¹ казнили еретиков в 1488, 1490 и в 1504 годах. Иосиф Волоцкий апеллирует к «градскому» закону в «Про-

¹ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 170—187.

² ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 220—329.

³ ГПБ, КБ, № 145/1222, л. 188 соответствует БЛ, Рук. МДА, фонд. 187, лл. 283—284.

⁴ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 188—216 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 100—108 (т. е. 8-й грани Фотиева Номоканона).

⁵ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 216—220 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 286—293.

⁶ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 329—330 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 293—295.

⁷ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 330—333 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 295—301.

⁸ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 333—337 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 301—308.

⁹ ГПБ, КБ, № 145/1222, лл. 337—339 соответствуют БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, лл. 309—311.

¹⁰ А. С. Павлов. Книги законные. СПб., 1885, стр. 37. А. С. Павлов вполне основательно предполагал, что интерес к законам византийских императоров усиливался с начала создания московского централизованного государства, со времени Ивана Калиты. А. С. Павлов приводит приписку из книги евангельских чтений 1339 года: «Сий бо князь великой Иоа[нн], имевше правый суд паче меры, помяная божественная исправления святых и преподобных отец по правилом монокануным, ревнуя правоверному царю Устиану».

¹¹ ГПБ, Кирило-Белозерск. собр., № 145/1222, гл. 26.

светителе» и превозносит его, требуя казни еретиков. В 13-м слове он защищает «градские» законы от нападок, объявляя, что «„градские“ законы подобны сущь пророческим, апостольским и святых отец писаниям».¹ Именно на «градской» закон, т. е. на узаконения византийских императоров Юстиниана, Исаака Комнина и других, ссылались воинствующие церковники в ответ на обвинения их в мздоимстве со стороны стригольников.² Митрополит Симон на основании правил и «градских» законов разрешил Иосифа Волоцкого от отлучения Серапиона, архиепископа Новгородского, в 1509 году.³ Впоследствии митрополит Даниил резко нападал на Вассиана Патрикеева за «отвержение» им «градских» законов.⁴ Исследователь русского права М. Ф. Владимирский-Буданов замечает, что одним из источников для составления Уложения 1649 года были греко-римские, так называемые, «градские» законы, взятые из Кормчей официальной редакции. Так, например, главы X, XVII, XXII Уложения сходны с «Прохироном» Василия Македонянина, а глава I «о богохульниках» — с новеллами Юстиниана. Многие черты жестокости проникли в Уложение из «градских» законов.⁵

Можно думать, что для Ивана Волка Курицына «градские» законы были неприемлемы, потому что Курицын, возможно, был против подобного компромисса церкви и государства, создающего основу для жестокого преследования еретиков.

Книга Курицына открывается следующими словами: «Сия книги мерило праведное — извес истинный, свет уму, око слову, зеркало совести, тьме светило, слепоте вождь, притупен ум, сокровен разум, прикрут помысел, пастырь стаду, кораблю кормник, волком ловец, татем пес, воронам сокол, натопырем солнце, оку квас, червям соль».⁶ В 80—90-х годах XV века широко распространилась официальная редакция Кормчих книг в соединении с отрывками из древнего сборника «Мерило праведное».⁷ Однако характер соединения отрывков из «Мерила праведного» с Кормчей книгой был совершенно иной, чем в списке Ивана Волка Курицына. Ни в одной из Кормчих статья «Сия книги мерило праведное» и следующие за ней выборки из «Мерила» не играют самостоятельной роли. Во всех Кормчих книгах официальной редакции статья «Сия книги мерило праведное» помещается во второй редакции и после изложения всех апостольских, соборных и отеческих правил и статей, непосредственно после статей о ересь, и перед «градскими» законами и «Словом 165 отец обидящих святые церкви», например: в Чудовской Кормчей 1499 года,⁸ в Кормчей 1522 года митрополита Даниила,⁹ в Кирилло-Белозерской Кормчей

¹ «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 588.

² АИ, т. 1, № 21, Послание митрополита Фотия во Псков; АЭ, т. 1, № 380.

³ АИ, т. 1, № 290.

⁴ Прени Даниила, митрополита Московского и всея Руси, со старцем Васьяном, 1531 г., мая 11. Чтения ОИДР, 1847, № 9.

⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. 3-е изд., Киев—СПб., 1900, стр. 242: «Будет кто иноверцы какая-нибудь веры или и русский человек возложит хулу на господа... того сжечь» (Уложение, гл. I, 1). Сожжение еретиков впервые возводится в норму государственного права в Уложении 1649 года. В Судебниках Ивана III и Ивана IV преступление против веры не упоминаются.

⁶ БЛ, Рук. МДА, фонд., № 187, л. 1 номер.

⁷ В П. Любимов насчитывает более 40 списков подобной редакции конца XV—начала XVI века. М. Н. Тихомиров предполагает, что эта редакция Кормчих в соединении с «Мерилом праведным» появилась при Иване Калите. Этот автор называет «Мерило праведное» в составе Кормчих книг «Мерилом праведным» второй редакции (М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 119—120). Однако списков старше 1480 года еще не найдено.

⁸ ГИМ, Чудовск. собр., № 167.

⁹ ГИМ, Воскресенск. собр., № 28.

1590 года.¹ «Мерило праведное» во второй редакции отличалось от отдельного юридического сборника XIII века «Мерила праведного» первой редакции, во-первых, порядком расположения статей и, во-вторых, тем, что оно встречается только в составе Кормчих книг. «Градские» законы, которые составляют основную часть «Мерила праведного», в контексте Кормчей оттеняли идею компромисса «священства» и «царства». Владельцами трех из пяти известных списков «Мерила праведного» первой редакции были московские митрополиты и патриархи.²

В XIV—XV веках мы не знаем сколько-нибудь оригинальных обличений неправосудия. Митрополит Алексей и митрополит Фотий,³ игумен Иосиф Волоцкий в 15-м «слове» «Просветителя» в той или иной степени подражали древнейшему «Мерилу праведному».

Иван Волк Курицын переписывает начало первой редакции «Мерила праведного», ставя на первое место перед Кормчей статьи о «праведном суде». «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына требует справедливого великокняжеского суда, уравнивающего в правах и богатого боярина, и служилого дьяка, и купца, и инока, и сироту, и вдову, и нищего, и убогого. Неограниченное право великого князя распоряжаться жизнью и смертью подданных объявляется основой всего государственного строя. Как известно, автор «Повести о Дракуле», вышедший из посольской среды, оправдывает безграничное, деспотическое самовластие Дракулы. Та же тема «праведного» суда и самодержавной власти характерна и для дворянской публицистики Пересветова XVI века. «Егда судишь, имей страх божий и целомудрие», — поучает «Мерило праведное». Мысль, что мудрость имеет в конечном итоге своим источником «страх божий» через «откровение пророк» и «науку блаженную», характерна и для «Лаодикийского послания» Федора Курицына и для приписки к «Еллинскому летописцу Ивана Черного».⁴

Отрывок из Иоанна Златоуста «О цареve достоинстве», можно думать, переписан не случайно: Иван Волк Курицын мог разделить взгляд на «свободный ум» (термин Иоанна Златоуста) как на основное достоинство царя. «Се есть царь истинен, иже воздержится от ярости и зависти, и сладости, и ум свой соблюдет свободен и не дасть владети над своею душою владычеству сладостному, иже бо ум приставит над страстьми душевными, то крепко может владети над человеки божественным законом и быти предстатель подручником своим, со всякою кротостью беседа. По всем градом того ради бых нарекл царя землю, морю и гладом, и людем, и воем, а иже жаелает над человеки имети власть ярости и буети и сласти работая, то первое будет посмешен людем, зане злат венец носит украшен камением драгим, целомудрием не венчаяся, а тело его все хламидою покрыто просветися, а душа его скверна оастая. Потом же не весть, како власть свою исправить и жен до собою не умея владети и на нех, како может вести к божию закону. Царь венцем ума не приищет, ум бо царствует. Простии цареve прежде жертвою о правоверии беседуют, перед питьем ум и целомудрие, пред исполнением о мужестве».⁵

Сравним это интересное место с теорией царской власти Иосифа Волоцкого. «Царь бо божий слуга есть к человеком милостью и казнью. Аще ли же есть царь над человеки царства, над собою же имат царствующа

¹ ГПБ, КБ, № 1/1079.

² М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 105.

³ См.: В. Ф. Ржигала. Максим Грек как публицист. Труды ОДРЛ, I, стр. 44—45.

⁴ ГПБ, КБ, № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4; БЛ, Пискаревск. собр., № 597, Еллинский летописец, л. 420.

⁵ БЛ, фонд., № 187, л. 26 об.

скверныя страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейший же всех — неверия и хулу, таковой царь не божий слуга, но диавол: не царь, но мучитель... Еже воздавати влаstem покорение и послушание: они бо имеют о нас попечение и промышление.¹ Это не оригинальный текст. Иосиф Волоцкий использует сочинения Иоанна Дамаскина (VIII век) для изложения своей теории. 6-е и 7-е «слова» «Просветителя», трактующие необходимость поклонения богу и царю, заимствованы из III и IV «Книг богословия» Иоанна Дамаскина.²

Курицын и Иосиф Волоцкий словами богословских произведений говорят, примерно, одно и то же о величии и о высоком назначении царской власти.³ Иосиф Волоцкий более решительно выразил эти идеи. Имеются и некоторые отличия. Курицын, возможно, полагал, что главное для царя — разум («ум приставит над страстями душевными») и кротость, ярость и зависть — самые большие грехи для царя. Мудростью своей царь устанавливает «праведный суд». Иосиф Волоцкий полагал, что самое главное для царя — борьба с еретиками («попечение о вере»), а самый страшный грех — «неверие и хула». «Царь — естеством человек, властью же — подобен богу» — таков смысл обеих теорий. Иосиф Волоцкий также считает, что «суд царю никем не посужается». «Неверие и хула», по мысли Волоцкого, исключают «подобие богу», и царь уже перестает быть царем в глазах людей, становясь тираном, «мучителем», «дьяволом».⁴ «Попечитель о вере» — идеал «благочестивого царя», полностью соответствующий духу теории компромисса «священства» и «царства». Нам представляется, что взгляды, изложенные волоцким игуменом в 7-м и 15-м «словах» «Просветителя», нельзя считать теорией, как полагает А. А. Зимин, «безусловного подчинения царской власти „священству“».⁵

В словах «занеже дело божие всех важнее» и в словах «подобает тем преклоняться телесне, а не душевне» нет ничего, что говорило бы о превосходстве святителя над царем.⁶ Святитель становится выше царя лишь в том случае, если последний подвержен «неверию и хуле». Но если царь имеет «попечение о вере», то он превращается в земного бога, и святитель не может иметь перед ним никакого превосходства. Если считать Иосифа Волоцкого теоретиком «русского папизма», то непонятно, почему патриарх Никон, утверждавший превосходство святителя над царем, «преподобного отца Иосифа Волоцкого поносил и называл „ябедником“ и образу его святому не поклонялся».⁷ «Праведный суд» и обмирщение государства, с одной стороны, или «попечение о вере», через слияние интересов церкви

¹ «Просветитель» Иосифа Волоцкого, Казань, 1855, слово 7, стр. 177—178.

² Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России. «Православный собеседник», 1860, 1, стр. 181.

³ М. Н. Тихомиров в «Исследовании о Русской Правде» (стр. 125) заметил, что Иосиф Волоцкий для обоснования теории сильной и единодержавной власти в 15-м «слове» «Просветителя» использовал текст «Мериала», значительно его изменив: «Слышите, цари и князи, и разумеите, яко божии слуги есте» («Просветитель» Иосифа Волоцкого. Казань, 1882, стр. 304—305). В «Мериале праведном» этот текст пространнее: «Слышите, князи, разумеите, внушите держащим власть, величающимся о народах, людех, яко от бога дана бысть держава нам, яко слуги божие есте» (БЛ, фонд., № 187, л. 16 об.).

⁴ Об этом же см.: В. Жмакин, ук. соч., стр. 91—92; В. Е. Вальденберг. Понятие о тиране в древнерусской литературе. Известия по русскому языку и словесности, 1929, II, кн. 1, стр. 217—218.

⁵ А. А. Зимин. О доктрине Иосифа Волоцкого. Труды ОДРЛ, IX, стр. 168. Мы рассматриваем взгляды Иосифа Волоцкого не в порядке их становления, а в окончательном виде, изложенном в полной редакции «Просветителя».

⁶ А. А. Зимин полагает обратное (ук. соч., стр. 172 и 173).

⁷ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник, 1934, № 3—4.

и государства, с другой стороны, — так ставили вопрос еретик Курицын и воинствующий церковник Волоцкий. Если бы Иосиф Волоцкий и хотел повторить подвиг Григория VII, то он не мог бы заставить Ивана III «пойти в Каноссу». Архиепископ Геннадий и Иосиф Волоцкий добивались прочного союза церкви и государства, недвусмысленно намекали Ивану III на «небрежение к вере», т. е. на попустительство еретикам, непростительное, пагубное, с их точки зрения, для всей страны. Еще в 1502 году Иван мог повелеть Иосифу замолчать,¹ но в 1504 году он уже был вынужден согласиться на сожжение еретиков. Тем не менее и в конце XV века и позднее русские митрополиты ставились по указанию государей. Торжественный и пышный церемониал поставления Симона в митрополиты в 1495 году должен был подчеркнуть зависимость митрополита от великого князя, т. е. церкви от государства. Идея «свободы церкви» излагалась в литературе на Руси не иначе, как в виде теории компромисса.² Иосиф Волоцкий вряд ли требовал большего, нежели союза «священства» и «царства», борьба за осуществления которого ожесточенно велась в течение всего XVI и в первой половине XVII века. Это была теория сильной воинствующей церкви, владевшей одной третью земли всей страны.

Компромисс между «священством» и «царством» имел место в Византии, а не в Западной Европе. Иоанн Дамаскин, на которого опирается Иосиф Волоцкий, — византийский богослов. Однако средством, с помощью которого Иосиф Волоцкий и его сторонники попытались осуществить такой союз и тем самым клерикализовать государство, явился «гишпанский огонек» 1504 года: кровь новгородских и московских еретиков в обмен на молитвы духовенства за царя.

Итак, взгляды Курицына и Иосифа Волоцкого сходятся в признании необходимости иметь сильную царскую власть. Если для Иосифа Волоцкого царская власть это средство для организации преследования еретиков, «попечения о вере» и укрепления могущества церкви, то для Ивана Волка Курицына «праведный суд» великого князя есть средство укрепления светской власти.

В XVI веке «нестяжатель» Вассиан Патрикеев и автор «Беседы Валаамских чудотворцев» требуют отдаления церкви от государства, настаивая на невмешательстве иноков в дело государственного управления.

Использование «Мерила праведного» дьяком Иваном Волком Курицыным в качестве введения к своду церковных законов является оригинальным и не имеет precedентов в литературе. Иван Волк Курицын переписывает «Мерило праведное» в обстановке общего интереса в 70—90-х годах XV века к упорядочению судопроизводства.³

В конце XV века период феодальной раздробленности уже изжил себя и кодификация права самодержавного московского государства стояла на очереди дня. «Ввиду роста хозяйственной мощи и политического влияния городского населения, оно все настойчивее ратует за „правду“, которая мыслится как порядок и „законность“, исключаящие мздоимство, „неправедный суд“ и насилия феодалов. Это положение особенно отчетливо выражено в многочисленных статьях знаменитого сборника XIV в. „Мерило праведное“, в котором проклинается „всяк судьяй непра-

¹ Послание Иосифа Волоцкого к Митрофану, архимандриту Андронниковскому. Чтения ОИДР, 1847, № 3, стр. 2.

² В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 201—222.

³ Подробнее см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. 2, гл. V.

ведне“, резко осуждается „ярость и зависть власть предержавших“, „обидающая и насильствующая“».¹ Дворянство и горожане поддерживали централизаторские устремления Ивана III. Такие идеологи «праведного суда», как Иван Волк Курицын, выступали от имени широких слоев населения против феодальной раздробленности. Из всего материала главной части сборника «Мерила праведного» Иван Волк Курицын включил в свою книгу «Уставы» Владимира и Ярослава, а также Русскую Правду в пространной редакции, содержащей все 58 статей. В. П. Любимов и М. Н. Тихомиров относили данный список Правды к Троицкому виду Синодально-Троицкой группы.² Русская Правда в этой редакции использовалась для составления Судебника Ивана III.³ Во время торжественной коронации Дмитрия Ивановича 4 февраля 1498 года Иван III и митрополит Симон поучали Дмитрия: «Люби правду и милость и суд правый».⁴ В приписке на последнем листе Кормчей (л. 336 об.) читается следующее: «... а се писал аз, а велел ми ти...». Можно предположить, что повелеть Ивану Курицыну написать Кормчую книгу мог кто-либо из его единомышленников или, быть может, сам Иван III.

Итак, Иван Волк Курицын поставил на первое место перед сводом церковных законов памятник светский — «Мерило праведное». Н. В. Калачов писал, что основанием Кормчей является соединение Номоканона с собранием светских законов, помещаемых непременно после всех церковных правил и статей.⁵

Перестановкой местами этих двух частей, как можно думать, Иван Волк подчеркивал первенствующую роль «праведного суда» светской власти, опирающегося на «мерила разума и справедливости».

Использование текста «Мерила праведного» Иваном Волком Курицыным в качестве введения к Кормчей позволяет предположить, что правительство Ивана III, совершенно не склонное признавать учение еретиков, было связано с московскими еретиками не столько по линии церковного вольнодумства, сколько по линии практических государственных интересов, разделяемых Федором и Иваном Волком Курицыными.⁶

¹ Очерки по истории СССР. М., 1953, т. II, стр. 360—361. Цитируется в «Очерках» по рукописи БЛ, Троицк. собр., № 15, лл. 18 об., 26 об.

² Правда Русская, изд. АН СССР, М., 1940, стр. 29.

³ Об использовании Русской Правды пространной редакции для кодификационных работ см.: А. А. Зимин и А. Г. Поляк. Значение Русской Правды для развития русского, украинского и белорусского феодального права. — Советское государство и право, 1954, № 4, стр. 121.

⁴ ПСРА, XII, 248.

⁵ Н. В. Калачов. О значении Кормчей книги. Чтения ОИДР, 1847, № 3, стр. 18.

⁶ В этом отношении нам представляется весьма интересным высказывание Д. С. Лихачева о том, что «связи еретиков и правительства лежали вне самой ереси» (Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правящие круги Москвы конца XV века. Труды ОДРА, VI, 1948, стр. 110).